

ВАШЕ МНЕНИЕ?

ПОЧЕМУ Я СНИМАЛСЯ В «КИЕВЛЯНКЕ»

Народный артист СССР Борис ЧИРКОВ отвечает зрителям

Я прочел письмо, которое написал мне один из зрителей, покачал головой и спрятал его в папку. В архив! Однако через два дня вспомнил про него, раскрыл папку, перечел письмо еще раз, промывал: «Мгм... Да...» — и оставил лежать на столе. И вот сейчас оно опять передо мной... И, знаете ли, оно и обижает меня немного, и в то же время нравится тем, что его автор любит кинематограф, огорчается за него и ждет от него значительных и правдивых произведений. Но тут же мне хочется и поспорить с сочинителем этого письма.

Хотя автор и обращается к одному человеку, мне кажется, что его рассуждения о киноискусстве, его обвинения работников кинематографии и его предложения должны заинтересовать самые широкие круги кинематографистов, и думаю я, что и зрители не останутся равнодушными к этому посланию.

Вот оно, это письмо. Размеры статьи не позволяют опубликовать его полностью. Поэтому привожу его в сокращенном виде.

«Многоуважаемый Борис Петрович!

Сегодня после просмотра фильма «Наследники» у меня появилось желание написать вам письмо. Несколько слов о себе. Я родился и вырос в Москве. Детство мое было неразрывно связано с кино. Пролетал без билета на «Чапаева», на трилогию о Максиме, впрочем, вряд ли стоит перечислять фильмы. Не будет преувеличением сказать, что мы воспитывались на кино. И эту любовь к кино я сохранил до настоящего времени. Я уже давно вырос, стал врачом. У меня уже есть первоклассник — сын. И вот мне кажется, что в его воспитании кино не сыграет такой роли, как в воспитании нас — нашего поколения...

Сейчас очень много пишут об отставании советской кинематографии, ищут причины такого положения. Мне хочется сказать пару слов о роли актера и о его вине в том, что серый поток фильмов не прекращается.

Вот, например, мне совершенно непонятно, как Вы, чье имя связано с советским кино настолько, что слова «кино» и Борис Чирков звучат почти синонимами, как Вы соглашаетесь играть в фильмах, подобных «Наследникам» и «Мечты сбываются». Оставим в стороне молодых актеров, для которых лишний фильм увеличивает их популярность. Но Вы — мамонт советского кино? Что может Вас заставить сниматься в этих фильмах?

Я же считаю, что Ваш прямой долг, долг крупного советского художника, категорически отказываться от участия в фильмах, рассчитанных на невзыскательного зрителя.

Взять, например, «Наследников». Горькое ощущение фальши, брезгливости, подобной той, с которой рассматриваешь базарные коврики с лебедями, возникает от просмо-

тра этого, с позволения сказать, «произведения искусства». На кого рассчитаны подобные фильмы? Чего греха таить, средний эстетический уровень нашего зрителя еще низок. И наверняка большинство (я не оговаривался — большинство) зрителей охотно посмотрят «Наследников» и будут плевать и жалеть свои деньги после просмотра «Поэмы о море».

Но до каких пор вы, настоящие художники, вы, создававшие замечательные фильмы, будете идти на поводу у таких зрителей, потакать их вкусам? Ведь совершенно ясно, что если бы Вы своей блестящей игрой в «Наследниках» не доводили фильм до какого-то приемлемого уровня, от фильма бы ничего не осталось.

Уважающий Вас Житко».

Раз письмо адресовано мне, я первый и выскажу то, что думаю по поводу вопросов, заданных товарищем Житко.

Искусство отражает жизнь. Но не просто, как фотография запечатлевает то, что попадает в рамки объектива аппарата, а выбирает из существующей действительности типичные, характерные явления. Стало быть, искусство может приступать к отображению всего того нового, что появляется и вырастает в нашей действительности, лишь тогда, когда это новое уже зародилось.

Не поймите только меня так, что я стою на тех позициях, что художник должен наблюдать, выжидать и стоять в стороне от всего того, что творится на его глазах. Нет, я этого и не думаю и не считаю верным и, как и все советские работники искусств, считаю, что дело художника быть творцом не только произведений искусства, а через них быть строителем и самой жизни.

В нашей жизни задачи работников искусств очень усложнились и затруднились. Жизнь наша так быстро и резко меняется, столько нового постоянно появляется в ней. Быстро складываются и так же быстро сменяют друг друга и приметы нашего беспокойного времени. Очень нелегко разглядеть и отобразить то, что типично, что жизнеспособно, что растет в будущее.

Я не жалею о судьбе, я не оправдываю неудачи свои и других работников искусств — я пытаюсь объяснить сложность работы художника и указать на то, что их неудачи часто зависят не от злой воли, не от лени, а от сложности задач, которые встают перед каждым из них.

Вот такое длинное предисловие я сделал для того, чтобы сказать теперь о том, что любое время, любая эпоха в истории любого искусства вообще не состоит из одних только удач или только провалов. И те годы, о которых вспоминает товарищ Житко, вовсе не были годами сплошных триумфов киноискусства. Рядом с очень хорошими фильмами, которые полюбили-

зрителям, выходили фильмы, которые никого не радовали, никого не увлекали и не волновали. Вы помните «Чапаева», «Великого гражданина» или «Петра I», но вы вкисли позабыли названия десятков картин, которые выходили на экраны в то же самое время.

Ну, а если мы обратимся к нашим дням, разве имеем мы право говорить о том, что это период упадка нашего киноискусства? Это будет неправильное, одностороннее, личное отношение к современной кинематографии. Безусловно, есть у нас неудачи, конечно, нужно, чтобы хорошие, правдивые, волнующие кинокартины гораздо чаще появлялись на экранах. Но разве победы, одержанные за последние годы нашими фильмами на международных кинофестивалях, не говорят о том, что советские кинематографисты создают произведения подлинного искусства?

Мне пришлось быть свидетелем громадного успеха кинокартин «Сорок первый» и «Летят журавли», которые во время недели советских фильмов мы показывали в Риме и Милане три года тому назад. Это был настоящий триумф нашего киноискусства.

А разве не пользуются эти картины до сей поры любовью наших зрителей? Я не стесняюсь признаться, что до слез был взволнован, смотря фильмы «Отчий дом», «Дом, в котором я живу», «Павел Корчагин», «Баллада о солдате», «Сережа».

К сожалению, мы часто видим фильмы поверхностные, легкомысленные, надуманные. Зная, что наша кинематография выпускает в год свыше ста художественных картин, мы вправе ждать, что среди них будет больше побед и достижений. Мы вправе надеяться, что будут чаще появляться новые, молодые таланты, а старые наши знакомые по-прежнему будут радовать нас своим мастерством. Таких приятных встреч нам еще мало. И все-таки нельзя и несправедливо говорить сейчас об упадке киноискусства.

А теперь я хочу поговорить по поводу упреков и советов товарища Житко. Тем более, что они относятся, по существу говоря, ко всем деятелям кинематографии. С одними его высказываниями можно поспорить, с другими согласиться. Но вот против чего я категорически возражаю — это против его предложения не принимать участия в съемках фильмов по неполноценным сценариям, не вмешиваться в производство кинокартин, если заранее нет уверенности в том, что она выйдет вполне доброкачественной.

В этом предложении как будто бы заложена прежде всего забота о любимых артистах. Оно как будто бы подсказано желанием помочь киноискусству добрым советом, как избавиться от выпуска на экраны плохих фильмов. Но стоит только внимательно подумать над этим предложением, как вы тут же обнаружите всю его несостоятельность.

В самом деле, как можно представить себе рост, развитие и совершенствование киноискусства? Откуда внезапно, неожиданно оно появится у нас? Кто-то нечаянно его сотворит или мы выпьем его из-за границы? Или вдруг все лучшие писатели напишут прекрасные сценарии, принесут их дружной толпой в главк по производству художественных фильмов, а отдел кадров Министерства культуры выведет им на встречу кучу новых, талантливых режиссеров — и вот тогда начнется золотой век кинематографии? Полно. Так даже, в сказках не бывает. Высокое, большое искусство надо заслужить, заработать, сделать. И кто же будет этим заниматься, если не сами работники искусств настойчивым, постоянным трудом.

Не уклоняться от участия в слабых фильмах, а обязательно идти в них работать, чтобы своим творчеством, своим умением, своим отношением к делу, своей требовательностью к себе и к своему искусству быть постоянными помощниками и наставниками для творческих работников съемочного коллектива.

Режиссер М. Ромм писал где-то, что съемки, в которых был занят Б. Шуклин, игравший тогда В. И. Ленина, звались дукинскими днями. Днями особой напряженности и особой требовательности и ответственности в работе, так как в присутствии такого большого и взыскательного художника нельзя было работать беспечно или равнодушно, не отдавая всех сил своей работе. Вот о чем должны мы говорить и заботиться. Вот чего мы должны ждать и требовать

от наших опытных в искусстве товарищей и в первую очередь от самих себя.

Да, надо идти работать в рядовые, обычные киностудии. Идти затем, чтобы помочь им становиться лучше и интереснее. Затем, чтобы быть примером и учителем тех, кто слабее тебя, кто моложе тебя.

А вот об этом-то мы, старшие и опытные кинематографические актеры, часто забываем. Берясь за работу в картине у малоопытных авторов или со слабым сценарием, мы, в лучшем случае, думаем и забьемся только о том, чтобы наша роль получилась правдивой и по возможности интересной. Мы забываем о том, что кинематограф — искусство коллективное. Отдельные куски картины, отдельные удачные моменты из участников общего дела не спасают ни всего фильма, ни отдельных его участников. Там, где проигрывает общее дело, не может выиграть ни один из тех, кто старается спасти свое личное благополучие.

И уж поскольку в письме товарища Житко упоминается фильм «Наследники», я, как участник этой картины и усердный сотрудник в I серии трилогии — «Киевлянка», должен сказать, что мы, актеры старшего поколения, многое могли бы исправить, улучшить, сделать интереснее, глубже и выразительнее, если бы каждый из нас больше думал обо всей картине, чем о самом себе.

Теперь это уже история, но, право же, она настолько показательна, что может послужить уроком и на будущее. Я согласился сниматься в «Киевлянке» потому, что увидел в сценарии возможности сделать добротный фильм о самой передовой части нашего общества, о рабочем классе. Но первое впечатление от сценария оказалось во многом обманчивым, оказалось, что ни драматургия вещи, ни поведение и характеры отдельных персонажей не были достаточно обстоятельно и точно выписаны. Думая и работая над ролью, я должен был настаивать на изменениях, переделках, уточнениях каждого эпизода, в котором появлялся мой герой. На съемках я убедился, что и художник, и оператор, и режиссура не были подготовлены и убеждены в правильности решения каждой сцены. Я переписывал свои реплики, искал с художником новые, более выразительные детали костюма и своего и окружающих меня лиц. И, надо правду сказать, что предложения мои охотно принимались и режиссером, и оператором. И право же, хоть в какой-то там мере, но моя забота о всей картине дала положительные результаты. Но во второй серии я уже не был ни так настойчив, ни так энергичен. В третьей, в «Наследниках», я занимался лишь своей ролью, да и то болезнь помешала довести работу до конца.

Я был не один опытный актер в этих фильмах. Моими партнерами были настоящие мастера кино и театра, но пусть они простят меня за это: в борьбе за картину они не были настоящими бойцами. Они покорно соглашались со всеми обстоятельствами не оконченного доделанного сценария. На съемках были послушными исполнителями указаний постановщика и оператора. Их участие в фильме не было творческим содружеством, а лишь служебным, ремесленным подчинением приказаниям старшего по чину начальника.

Я не сваливаю всю вину на моих партнеров, а в первую очередь вину самого себя. Я должен был быть более настойчив, я должен был быть более инициативен. Я обязан был потребовать от моих товарищей и от всего коллектива иного, более настойчивого и упорного труда над фильмом.

Нет, товарищ Житко, не уклоняться от работы в плохих сценариях должны мы, не выжидать, когда начнут ставиться безусловно хорошие фильмы, а влезать в работу над каждой картиной, где нужно и может быть полезно наше участие. Киноискусство может и должно быть и передовым и прекрасным, но стать таким оно сможет лишь тогда, когда все работники искусств, не жалея сил своих, не оберегая понапрасну свою репутацию, будут увлечены, не за страх, а за совесть трудиться над каждым фильмом.

Работа, работа, работа! Вот на чем стоит, вот на чем растет искусство. Сидеть и выжидать лучших дней или лучших возможностей — это для любого художника не жизнь, это застой, это деградация и в конечном счете — творческая гибель.